

ДЕД ШИЗГАРИЙ

Бабье лето Тома Джонса

Том Джонс удивил кремлевскую публику неожиданно рок-и-рольной программой.

Фото Натальи Будановой

Алексей Крижевский

ЭТОМУ человеку уже шестьдесят с небольшим. Он выскакивает на сцену, как мячик, здоровается со зрителями («как дела, ребята, я ведь не был здесь восемь лет») и обязательно кланяется музыкантской свите. Свита вовсю играет короля, король носится по сцене, первыми же звуками своего голоса, словно вспарывая акустику Кремлевского дворца. Негритянки-подпевщицы танцуют, трубачи наводняют зал громом меди и тоже ухитряются танцевать. Шоу.

Том Джонс — божество эстрады. Когда он выходит на сцену, кажется, что он был здесь всегда. Он восходил в ранние 60-е, одновременно с «Битлз» и волной скиффла, накрывшей тогда Британию. Джонс с первыми своими песнями мог бы стать точно таким же объектом их ненависти, как Энгельберт Хампердинк, певец сладких баллад и тогдашний главный любимец дам в бигуди. Джонс, подросток-алкоголик, выросший в семье валлийских шахтеров, уже тогда был мастером на все руки и с ранних лет был вынужден кормить семью (которой обзавелся 16 лет от ро-

ду). И, как только добился первого настоящего успеха с песней Говарда Миллса «It's not Unusual» (она заняла первое место в британском чарте и попала в первую десятку в Америке), стал точно таким же разнорабочим, но уже от шоу-бизнеса. С тех пор Том Джонс перепел все, что только можно — фанк (его конек), блюз, лирические эстрадные баллады, классику рока... Без усталости работал с авторами, записывал дуэты, все время кого-то перепевал. Настоящий эстрадный артист — все, что попадало в сети его репертуара и пелось потом его почти оперным по силе голосом с его фирменным всхлипом в конце каждой фразы, словно прирастало к нему и навсегда становилось его собственностью.

Первый раз он приезжал в Россию в 1994 году. Тогда женская часть зала таяла от его знаменитых «Delilah» и «Undecided», а венчавший концерт хит «Kiss» зрители аранжировали своими аплодисментами от начала и до конца. В этом году чепчиков в воздухе было не меньше, чем восемь лет назад, хотя пел он, за исключением своих дежурных хитов, совсем другие песни. Репертуар Джонса пополнился композициями австралийцев Inxs, английских леваков Manic Street Preachers и даже одинокой «Шизгарой», прославленной женской поп-группой Bananarama. Джонсу дай хоть «Калинку» — споеет ее так, что не узнаешь.

Он самый большой хитрец и дельца среди всех артистов, которых знал XX век. Он неутомим, как батарейка, и, как барометр, чувствителен к малейшим колебаниям музыкальной конъюнктуры. Он покупает своих зрителей оптом задешево с очаровательной, захватывающей наглостью. Поиграв несколько лет в «статусных» казино обожаемого им Лас-Вегаса, он может поехать дасть шороху на голландский фестиваль в Гластонберри, как это случилось в 1993 году. Прочно, на несколько лет закрепившись в нише певца для дам постбалзаковского возраста, неспешной походкой вдруг пройти сразу к вершинам «Грэмми» и Brit Awards.

Москва шла на Тома Джонса, мечтая, как всегда, предаться благодостной ностальгии под прекрасные рюкды мистера Голоса. А получила семейство матрешек, которых понаделал из музыкальной «молодежи» двуязыльный поп-певец. И у каждой — смуглое лицо и голос, шершавый и плотный голос Тома Джонса. Промысел. ■